

- Неужели правила вашей секты Жуншань учат, как вершить самосуд и издеваться над простыми людьми? - ледяным тоном спросил Хань Чаншэн.

- Ты! - вскричал старший ученик секты Жуншань. - Что плохого в том, чтобы поймать и наказать воришку? Многие из присутствующих здесь видели, как он пытался украсть лошадь! Из какой ты секты? Ты что, заодно с этим вором?

- Секта то, секта сё, - сказал Хань Чаншэн. - Вы все время примешиваете в дело секту, но разве случившееся имеет к секте хоть какое-нибудь отношение? Или вы судите людей только в зависимости от их статуса в обществе? Крупную секту вы не посмеете оскорбить, а с тем, кто вышел из маленькой секты или у кого нет покровителей, можете творить все, что пожелаете?

- Это же чушь собачья! - старший ученик секты Жуншань покраснел от ярости.

- Он сказал, что не крал вашу лошадь, - продолжал Хань Чаншэн, - но вы ему не поверили. Почему? На каком основании вы решаете, кто говорит правду, а кто - нет? И даже если он действительно конокрад, он не ученик вашей секты Жуншань, с какой стати вы распространяете на него свои правила? Если бы вы сегодня поймали ученика Шаолинского монастыря, то, согласно буддийским писаниям, за совершение кражи полагается сотню дней провести, взывая к своей совести за чтением буддийских писаний, или даже изгнание из монастыря, но вы все равно принялись бы настаивать на том, чтобы сломать ему руку?

Оторопевшие ученики секты Жуншань лишились дара речи. Если бы человек, которого они обвинили в конокрадстве, оказался из Шаолинского монастыря, они, конечно же, не стали бы ломать ему руку.

Другой ученик вышел вперед и заговорил:

- И кто он, по-твоему, если не конокрад? По мне так вы с ним сговорились!

Хань Чаншэн посмотрел на этого средних лет мужчину. Тот ничего не сказал, только принялся отвязывать со спины свою цитру. Ученик секты Жуншань испугался, что в этой цитре может скрываться какая-нибудь таинственная сила, поэтому ринулся вперед, намереваясь его остановить. Хань Чаншэн повернул свой меч, рукоятью ударив по руке ученика. Вскрикнув от боли, тот резво отдернул руку.

Стоило ученикам увидеть, что Хань Чаншэн применил силу, как их гнев тут же воспылал с новой силой. Несколько учеников, закатав рукава, набросились на него. Но Хань Чаншэн продолжил невозмутимо стоять, защищая мужчину среднего возраста, при этом его меч ни разу не покинул своих ножен. Он просто поворачивал свой меч, блокируя все направленные на него удары их кулаков.

Выражения лиц всех, ставших свидетелями этой сцены, становились все более и более удивленными. Семь-восемь человек окружили Хань Чаншэна, но ни одному из них так и не

удалось пробиться через его защиту. Пусть его тело уклонялось то вправо, то влево, на самом деле он вообще не сдвинулся с места. Он, словно нерушимая гора, стоял перед средних лет мужчиной, не позволяя нападавшим прикоснуться даже к волоску на его голове. Прошло всего мгновение с начала их схватки, но все присутствующие уже оказались потрясены. Любой, кто хоть немного разбирался в боевых искусствах, мог бы сказать, что Хань Чаншэн обладает выдающимися способностями и ученики секты Жуншань не годятся ему в противники.

В этот момент мужчина средних лет, наконец-то, взял в руки свою цитру и на ней заиграл.

Когда из-под пальцев мужчины полилась плавная мелодия, Хань Чаншэн обернулся и с некоторой долей удивления посмотрел на него. Он не мог сказать наверняка, но, казалось, играл тот неплохо. Однако сейчас было не самое подходящее время для услаждения слуха, не так ли? Если бы он не боялся, что Ань Юань выскочит и, придя мужчине на помощь, оскорбит секту Жуншань, он бы и не подумал по своей воле вызваться защищать этого парня.

Изначально все животные, привязанные у входа в чайный домик перепугались. Хотя их и привязали веревкой, они все были настолько обеспокоены, что пытались сорваться с привязи и убежать. Но как только в воздухе разлились звуки мелодии цитры, все лошади успокоились, а затем послушно опустили на колени и, склонив головы, принялись в тишине прислушиваться к мелодии.

Лошадь, которую схватил ученик секты Жуншань, неожиданно направилась к средних лет мужчине. Слишком ошеломленный ученик даже не заметил, как выпустил поводья из рук. Подойдя к мужчине, лошадь низко поклонилась ему, а затем потерлась головой о его лицо, и из ее больших лошадиных глаз потекли крупные слезы.

Если бы то была одна лошадь, никто бы на нее и внимания не обратил. Но с того самого момента, как раздался звук цитры, все лошади начали вести себя странно, что не могло не удивить всех присутствующих.

Окружающие их люди принялись переговариваться:

- Этот парень способен контролировать лошадей с помощью цитры?

- Он действительно обладает подобным навыком. Возможно ли, что сказанное им было правдой? Может, эта лошадь в самом деле на грани жизни и смерти?

Ученики секты Жуншань уже устали и запыхались, противостоя Хань Чаншэну, но так ничего и не добились. Увидев столь необычную сцену, они еще немного поколебались, но все-таки отступили.

Хань Чаншэн холодно произнес:

- Видите? Если этот человек способен с помощью цитры заставить лошадей повиноваться себе, то почему он не может обладать особой чувствительностью к их состоянию? Вы с такой уверенностью утверждали, что он вор и мошенник. А что теперь скажете?

В этот момент вся толпа полностью изменила свое мнение и принялась осуждать учеников секты Жуншань за излишне властное поведение.

Ученики секты Жуншань полностью опозорились. Все было бы в порядке, не окажись здесь других людей, но этот чайный павильон располагался на оживленном перекрестке, отчего многие мастера боевых искусств и простые люди останавливались в нем, чтобы отдохнуть. Если бы сейчас за ними не следило столько любопытных глаз, они, возможно, не повели бы себя так властно.

Однако по мере приближения конференции Улинь все из кожи вон лезли, лишь показать себя с лучшей стороны и прославиться. И тут им под руку подвернулся конокрад, который с такой наглостью действовал у всех на глазах. Они хотели воспользоваться этой возможностью, дабы укрепить свою репутацию, показав, что секта Жуншань всегда решительно следует своим принципам.

Кто ж мог знать, что из ниоткуда неожиданно вылезет какой-то наглец, не ведавший о необъятности Небес и земли, и все им испортит, а затем этот конокрад сыграет на цитре мелодию, которой подчинит себе всех лошадей? Как бы то ни было, похоже, они совершили ошибку.

Старший ученик секты Жуншань, покраснев, возразил:

- И что, если он может сыграть мелодию? Даже если с лошадьё что-то не так, разве он не виновен в том, что без разрешения владельца попытался ее отпустить?

- И это стоит того, чтобы сломать ему руку? - холодно спросил Хань Чаншэн. - Он даже сказал, что готов заплатить за освобождение лошади, но из-за срочности дела у него не было при себе достаточно денег. Откуда вам знать, что у него нет таких денег? Вот как ведет свои дела секта Жуншань?

Многие из собравшихся вокруг людей начали высказываться в его поддержку.

- Это верно. Этот человек только что предельно ясно все объяснил, но они отказались слушать его. Они настаивали на том, чтобы сломать ему руку. Слишком уж они властные!

- Да, правильно. Даже если этот человек первым совершил ошибку, разве этого достаточно, чтобы сломать ему руку? Так что, выходит, ученики секты Жуншань всегда действуют неоправданно и агрессивно? - когда ученики секты Жуншань выскочили и на глазах у всех начали творить самосуд, некоторые люди из других праведных сект почувствовали недовольство их агрессивностью, но не посмели об этом сказать. Теперь же, когда Хань Чаншэн

вышел вперед и изменил ситуацию, они начали высказывать, что было у них на душе, один за другим.

- Ты! - крепко стиснувший кулаки старший ученик секты Жуншань обнаружил, что не знает, что и сказать. Сказанное Хань Чаншэном ошеломило его. Он тяжело дышал и был настолько взволнован, что прошла уйма времени, а он так и не смог выдать из себя ни одного законченного предложения, отчего лишь еще сильнее покраснел.

Пошарив в кармане, Хань Чаншэн выудил оттуда серебряный слиток, который бросил старшему ученику:

- Я заплачу за его лошадь. Или у вас есть на этот счет еще какие-нибудь соображения?

Мог ли сейчас старший ученик принять его деньги? Он с силой отбросил серебряный слиток назад. Хань Чаншэн ловко поймал его и подбросил пару раз на ладони.

- Уходим! - старший ученик больше не мог здесь оставаться и, развернувшись, направился прочь. В крайнем смущении и тревоге остальные ученики отвязали своих лошадей и торопливо последовали за ним. Так как у него больше не было лошади, старшему ученику пришлось поехать с одним из своих младших братьев. Напоследок он одарил Хань Чаншэна свирепым взглядом, после чего гордо отвернулся, и вскоре все ученики секты Жуншань скрылись из виду.

После ухода учеников секты Жуншань вся толпа разошлась. Средних лет мужчина поклонился Хань Чаншэну и произнес:

- Благодарю за помощь. Если бы не ты, мне бы сломали руку, и она стала бы бесполезной.

Хань Чаншэн без малейшего интереса взглянул на него:

- Ах, впредь будь осторожней, - он направился к своей лошади, собираясь продолжить путь.

Но мужчина средних лет остановил его, с улыбкой сказав:

- Младший братец, ты выступил на стороне истины и помог мне восстановить справедливость. А я тебя еще даже как следует не отблагодарил. Могу я хотя бы имя твое узнать?

Хань Чаншэну больше не хотелось иметь с ним дела, поэтому он ответил:

- Это всего лишь случайная встреча. Я помог тебе только по прихоти, так что нет никакой нужды в благодарности.

У средних лет мужчины заблестели глаза. Он похвалил:

- Хорошо! Просто чудесно! Жаль, что мне неизвестно, какому мастеру удалось обучить столь выдающегося ученика. Это замечательно! - похлопав себя по груди, он вытащил из-за пазухи деревянную табличку и вложил ее в руку Хань Чаншэну, сказав: - Поскольку герой желает оставить свое имя в тайне, я не стану тебя принуждать, но если в будущем тебе что-нибудь понадобится, ты всегда можешь найти меня с этим предметом. И если это окажется в моих силах, я сделаю все возможное, чтобы тебе помочь!

Хань Чаншэн небрежно убрал табличку в рукав, не придав особого значения его словам. Этот средних лет мужчина неважно владел боевыми искусствами. У него даже не было денег, чтобы выкупить лошадь. Он был либо конокрадом, либо дрессировщиком лошадей, не обладавшим какими-либо выдающимися способностями. Иначе говоря, он не представлял особой ценности и не смог бы послужить на благо секты Тяньнин.

Когда Хань Чаншэн вернулся к Ань Юаню и снова сел на коня, последний спросил его:

- Почему ты не позволил мне самостоятельно все уладить?

- Впредь, - заговорил Хань Чаншэн, - предоставь мне заниматься всеми хлопотными и неприятными делами. Тебе незачем пачкать свои руки.

- Но почему? - спросил Ань Юань.

- Тебя ожидает великое будущее, - сказал Хань Чаншэн. - Если ты оскорбишь кого-нибудь из праведных сект, это лишь помешает тебе.

Ань Юань ошеломленно застыл:

- Ты... ты это серьезно?

Хань Чаншэн неизъяснимым взглядом посмотрел на него:

- Как ты думаешь, к чему я готовлю тебя?

На лице Ань Юаня появилось странное выражение. Спустя какое-то время он проговорил:

- Это... Как такое возможно?

- И что же тут невозможного? - спросил Хань Чаншэн. - Волей самих Небес тебе суждено стать главой альянса праведных сект!

Когда эти слова вошли в уши Ань Юаня, ему показалось, что он увидел искренность в глазах Хань Чаншэна. Лицо Ань Юаня стало слегка горячим, когда он сказал:

- Ты... ты не должен так говорить...

Хань Чаншэн продолжал:

- Судьбой тебе предопределено искоренить демонический путь и прославить праведный.

Услышав это, Ань Юань испытал потрясение. Он проглотил все слова, которые ему хотелось сказать. "Искоренить... демонический путь?"

Хань Чаншэн уже тронулся с места, поэтому Ань Юань не увидел, что у него на лице появилось мрачное и одинокое выражение. Он только хотел что-то спросить, как Хань Чаншэн пришпорил коня и просто поехал быстрее, отчего ему тоже пришлось ускориться в попытке догнать его.

Как-то раз Хань Чаншэн уже говорил, что собирается помочь Ань Юаню занять место лидера альянса Улинь. Но тогда это прозвучало слишком невероятно, поэтому Ань Юань решил, что тот попросту пошутил. Неужели в тот раз, в секте Минъюэ, Хань Чаншэн говорил совершенно серьезно?! Но этот парень до сих пор ни словом не обмолвился ему о том, кто он на самом деле. Возможно ли, что у него имелась какая-то проблема, нечто такое, о чем было слишком сложно ему рассказать?

Они галопом двигались по дороге, ноздря в ноздю, но ни один из них понятия не имел, какие мысли обуревали другого.

По мере приближения к горе Куньлунь, им встречалось все больше людей из праведных сект. По пути они кого могли расспрашивали об усадьбе Тяньюань, но с того момента, как пала усадьба, минуло целых пятнадцать лет. Многие из младшего поколения вообще не слышали об этой усадьбе, а старшее поколение, пусть и слышало, но знало слишком мало, а если они и знали, то к этому времени обо всем позабыли.

Хань Чаншэн не забывал тайно расспрашивать о Сю Даомэнь. Однако, как и горная усадьба Тяньюань, эта маленькая и почти никому не известная секта давно исчезла, и ему не удалось узнать ничего полезного.

У подножия горы Куньлунь уже собралось много членов праведных сект. Это место казалось переполненным толпами людей и весьма оживленным. К счастью, глава альянса Улинь, Хунхуа, подготовил немало резиденций и постоянных дворов для членов праведных сект, поэтому им было где остановиться.

Рано утром Хань Чаншэн и Ань Юань покинули свои комнаты, чтобы узнать новости и

порасспрашивать людей, бродящих вокруг.

Каждый трактир или отделение почтовой службы являлись средоточием слухов, они словно нарочно предназначались для того, чтобы люди могли разузнавать там нужную информацию. Ежедневно в них появлялись известия о создании новых сект, о том, что ученики такой-то секты вступили в конфликт с учениками другой секты, о том, какие секты собирались блеснуть на конференции этого года, и тому подобном. Сплетники были самым надежным источником информации. Вчера они узнали о нескольких самых опытных сборщиках новостей и теперь собирались обратиться к ним за помощью.

Хань Чаншэн и Ань Юань вошли во двор, в котором поселились те сплетники, и увидели, что вокруг них беседуют несколько учеников. Хань Чаншэн едва успел порог переступить, как услышал:

- Сегодня утром прибыла секта Юэхуа! Глава устроил их в восточной гостинице!

Минутка переводчика:

Они галопом двигались по дороге, ноздря в ноздю, но ни один из них понятия не имел, какие мысли обуревали другого.

Хань Чаншэн: - "Как же горько, что человек, который сейчас ко мне ближе всех, станет тем, кто уничтожит меня... И он даже не подозревает об этом. Эх... Будь что будет, но я не позволю собакам-бессмертным втянуть в эту неразбериху своих людей. Это все, что я могу сделать. Нет... Еще могу сделать кое-что с Ань Юанем... Хе-хе, что ж, тогда можно будет сказать наверняка, что моя жизнь прожита не напрасно".

Ань Юань: - "Зачем ему это нужно? Почему он хочет, чтобы я стал главой Улинь? К тому же еще и уничтожил демонический путь? Это потому, что ему не нравится тот старший брат? Или потому, что ему нравлюсь я? Почему-то мне кажется, что второй вариант вероятней. Я же такой красивый, умный и совершенный во всем. Ему наконец-то удалось отыскать человека, рядом с которым он не чувствует себя одиноким, стоя на вершине этого мира. Как же хорошо я его понимаю. Хе-хе".

Подумав об этом, оба молодых человека глупо захихикали.

Кони: - "Так и знал, что нужно было сбежать с тем милым мужчиной. Эти двое меня пугают".

<http://bllate.org/book/14818/1320203>